

Язовская Ольга Валерьевна

кандидат культурологии, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры
Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета

Гудова Юлия Валерьевна

ассистент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОСТКОЛОНИАЛЬНУЮ ЭПОХУ: ОБЗОР КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ [1]

Аннотация:

В статье рассматриваются исторический и политологический подходы к пониманию империи, а также экономический и прогрессистский подходы к пониманию империализма в рамках отечественной науки, осмыслены категории империи и империализма в зарубежных исследованиях постколониализма, изложена концепция империи Герфрида Мюнклера. Представленные подходы позволяют охарактеризовать различия между империей и империализмом и сформулировать основные черты современной формы империи, к которым относятся: обширность территории, этническая неоднородность, протяженность во времени, монолитность власти, неограниченная гегемония (политический подход), глобализованность и избыточность как инструмент власти (постколониальный дискурс), граница как маркер воздействия, метропольность, случайность и разноплановость (концепция Г. Мюнклера). Установлена современная актуализация концепта империи как характеристики современного постколониального мира.

Ключевые слова:

империализм, империя, колония, глобализация, постколониальный дискурс, Герфрид Мюнклер, современность.

Yazovskaya Olga Valeryevna

PhD in Cultural Studies, Associate Professor, History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture Department, Ural Federal University, Senior Lecturer, Department of Oriental and Romance-Germanic Languages, Faculty of Eurasia and East, Chelyabinsk State University

Gudova Yulia Valeryevna

Assistant Professor, Cultural Studies, Social and Cultural Activities Department, Ural Federal University

IMPERIALIST DISCOURSE IN THE POST-COLONIAL ERA: A REVIEW OF CONCEPTUAL APPROACHES [1]

Summary:

The study discusses the historical and political approaches to the concept of empire and the economic and progressivist approaches to the notion of imperialism in Russian research. The paper analyzes the concepts of empire and imperialism in international post-colonial studies and presents Herfried Muenkler's approach to the understanding of empire. These approaches make it possible to describe the differences between empire and imperialism, establish fundamental characteristics of modern empires, which include vast areas, ethnic heterogeneity, time duration, consolidation of power, unlimited hegemony (applicable to political approach), globalization and excessiveness as tools of power (applicable to post-colonial discourse practices), borders as a marker of influence, metropolity, sporadic and ambivalent nature (applicable to Muenkler's approach). The authors identify that the concept of empire is updated as a trait of the modern post-colonial world.

Keywords:

imperialism, empire, colony, globalization, post-colonial discourse, Herfried Muenkler, modernity.

В последние десятилетия наблюдается возрождение империалистического дискурса в гуманитарных исследованиях. Сам термин «империализм» появился во второй половине XIX в. и прозвучал в 1872 г. в речи британского премьер-министра Бенджамина Дизраэли в Хрустальном дворце применительно к экспансионистской внешней политике [2, с. 66]. В своем изначальном варианте он понимался как «стремление государства к расширению своих территориальных (колониальных) владений, преимущественно в других частях света, к укреплению своей связи с ними и вместе с тем к усилению своего политического влияния в международных отношениях», – отмечает И.И. Рогов [3, с. 261]. В современном варианте понятия империализма и империи используются в несколько ином ключе. Обратимся к ряду подходов как в отечественной, так и в зарубежной науке. Наиболее распространенными среди них являются исторический и политологический.

В рамках исторического подхода В.Е. Матвеев [4, с. 4–7] рассматривает развитие концепта империи в отечественной науке в период 1989–2006 г.г., отмечая сначала разрозненность и эмоциональность дискуссий, а затем упорядочение, но все же сложности с определением понятия.

В XXI в. концептуальное поле империи расширяется и появляются метаконцепты, которые выходят из сферы собственно исторической науки. В качестве таких метаконцептов В.Е. Матвеев выделяет миф, память, диаспору, войну, слово, гендер, эмоции и т. д. [5]. Несмотря на активное изучение концепта и дополнение его новыми смыслами, в рамках исторической науки все же не сложилось единого универсального определения империи, так как государства существовали в разных исторических контекстах и им были свойственны разные хронотопы.

В рамках политологического подхода С.И. Каспэ, ссылаясь на работы Ш.Н. Айзенштадта, А. Ле Бра-Шопара и Л.С. Гатаговой и др., описывает определения и характеристики империи, которые выделяют исследователи. Так, империя чаще всего понимается как политическая система, которая охватывает большие и централизованные территории [6, с. 20]. Центр такой системы может воплощаться в центральных политических институтах или в личности императора. Выделяют следующие характеристики империи: 1) территория империи должна быть существенно больше, чем средняя для этой эпохи и региона; 2) империя этнически неоднородна; 3) империя имеет относительно большую временную протяженность; 4) власть в империи монолитна и находится в руках одного лица или одной партии; 5) империи свойственно стремление к неограниченной гегемонии [7]. Также в рамках политологического изучения империи могут затрагиваться вопросы идеологии, религии и сакральной власти [8]. Из всего многообразия характеристик С.И. Каспэ выделяет несколько ключевых для понимания и определения империи: это этнокультурная неоднородность, обширные территории, особая структура социальных связей и институциональных и нормативно-смысловых взаимодействий, содержание внутренне неоднородной политической культуры.

Представленные подходы к осмыслению понятия империи, с одной стороны, задают ее основные характеристики, показывающие пространственную и временную протяженность и определяющие особенности структуры власти, а с другой стороны – закладывают современную актуализацию имперского дискурса, в рамках которого империя начинает пониматься как метаконцепт.

Обратимся теперь к понятию империализма. Данный концепт в большей степени получил развитие в рамках экономического подхода. Основоположителем этого аспекта изучения империализма стал Дж. Гобсон. В отечественной науке его идеи развивал В.И. Ленин, который определял империализм в духе марксизма, т. е. с точки зрения экономического детерминизма. В.И. Ленин рассматривал империализм как высшую стадию капитализма. Он дал следующие определения империализма: «(1) – монополистический капитализм; (2) – паразитирующий или гнивающий капитализм; (3) – умирающий капитализм» [9]. Также он выделял признаки такого империализма: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии... 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание... финансовой олигархии... 3) вывоз капитала в отличие от ввоза товаров приобретает особо важное значение... 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, держащие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [10]. Немецкий исследователь Г. Мюнклер отмечает, что эти характеристики подаются как всеобщие закономерности имперского строительства, но они не являются универсальными, так как используются для объяснения строительства империй через проблему капиталистических обществ [11]. В отечественной науке данная трактовка империализма с негативной коннотацией является устоявшейся и фигурирует в современных словарях, например в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой.

В связи с изложенным империализм изучался применительно к западным колониальным империям в негативной коннотации (к странам Европы и США периода XIX–XX вв.). В такой интерпретации понятие империализма не применялось к изучению более ранних империй, так как они находились на более низких стадиях формационного развития, нежели капитализм. В XX в. получил развитие прогрессистский подход, благодаря которому империализм начал изучаться и в более ранних империях. Так, например, американский исследователь Рональд Чилкот [12] исследует развитие империализма от Римской империи и до колониальных империй. Отечественные исследователи Э.Д. Фролов [13], О.Ю. Климов [14] и М.В. Шистеров [15] исследуют империализм в античную эпоху. Прогрессистским данный подход называется в связи с тем, что он позволяет описывать древние империи с позиции прогресса культуры. Развивая эту мысль, И.И. Рогов предлагает воспринимать империализм отдельно от понятия империи. Автор выделяет несколько составных частей империализма в целом: имперский империализм, который характерен для доиндустриальных и постколониальных империй, и империализм колониальных империй, который в наибольшей степени характерен для империй Нового времени. В понимании И.И. Рогова «империализм – не просто исторически ограниченная временными рамками разновидность имперской экспансии; он суть общеисторическое, общесоциальное явление, характерное всей эпохе» [16]. Разные проявления империализма как метода колониальной экспансии говорят о едином процессе культурных трансформаций и характеризуют поступательное развитие истории.

Резюмируя данные подходы, мы можем отметить, что в рамках экономического подхода империализм понимается как синоним высшей формы капитализма, в чьи характеристики входят появление монополий, финансовой олигархии, вывоз капитала, формирование международных монополистических союзов капиталистов, окончание территориального раздела планеты. В этом смысле империализм становится четко ограничен по времени и распадается в период распада колониальных держав. Альтернативным представляется взгляд на империализм в рамках прогрессистского подхода, который начинает использовать данное понятие применительно к ранним империям докапиталистических обществ. В итоге данный подход приводит к осмыслению империализма как общеисторического явления, понимаемого как метод колониальной экспансии.

Современные англоязычные исследователи более широко рассматривают вопросы империализма и империи в связи с современностью, отмечая актуализацию данных понятий в несколько ином ключе в рамках исследований постколониализма и современного состояния бывших колоний.

Австралийская исследовательница Эйприл Биккьюм отмечает, что современные авторы постколониального дискурса пытаются выделить европейские и британские формы империи, а также американскую империю, различая при этом новую американскую империю и обозначая новые формы глобализированной империи. Современные плоды глобализации и наследие XX в. в виде усиления международных союзов, с одной стороны, декларирования борьбы с бедностью и при этом лоббирования капиталистических интересов и противодействия терроризму – с другой, «...фактически представляют собой сложный сдвиг в лексике в дискурсе развития, истории и современности, который также сопровождался попытками метрополий в популярных и общественных дискурсах о центре и праве спектра принять в качестве нормы “новый” империализм, оправдать (ре)колонизацию Ближнего Востока и представить собой неолиберальный капитализм как единственный вариант глобального управления» [17, р. 147], – указывает Э. Биккьюм.

Постколониальные исследования начались в 1980-е гг., когда вышла в свет работа Э. Саида «Ориентализм» [18], где были проанализированы предположения и функции набора дискурсивных аппаратов, сделавших европейский колониализм возможным и приемлемым. Основной проблемной точкой всех исследований данного типа является вопрос истории и развития: его либо обходят вообще, как в традиции марксизма, либо настаивают на обращении к нему в постструктурализме. Э. Биккьюм выделяет следующие перспективы развития данного дискурса: 1) нарратив истории и прогресса; 2) нарратив об истории наций, где история в рассказе международных отношений соотносится с нарративом развития; 3) нарратив, который нормализует и определяет связь между империей и колонией как зависимостью, т. е. между первым и третьим миром, центром и периферией, развитым и неразвитым, богатыми и бедными и т. п. Все это приводит к смещению дискурса на фоне исторических потрясений XX в.: Вторая мировая война воспринимается как точка бифуркации, после которой империи и колонии были уничтожены, а новых больше не возникало. Но по большому счету Э. Биккьюм отмечает, что новая империя уже существует и работает в дискурсе глобализации. Все это приводит к «...теоретизированию исторической консолидации власти метрополии, построению западного либерально-демократического государства как онто-эпистемологического конструкта, что неотделимо от империи» [19].

Канадский ученый Стивен Слемон также отмечает разрозненность подходов и течений в современном постколониальном дискурсе и указывает на то, что данный дискурс «...в глубине души представляет собой институциональную борьбу, дискуссию, чье специфическое происхождение является новым критически-педагогическим полем в аппарате западных “гуманитарных наук”» [20, р. 16]. Он выстраивает модель взаимодействия колонизатора и колонизируемого через институциональные регуляторы и семиотическое поле. Основное направление исследований строится вокруг власти государственных аппаратов и политических и экономических взаимоотношений с сателлитами в том виде, как функционирует империя и ее колонии. Основные дебаты по теории колониализма ведутся в вопросах исторической спецификации, которая представлена в конкретных примерах без формулирования общих теоретических рамок, а также по поводу организации или же посредника, когда утверждается, что колониальным властям в оппозиции выступает местная организация, стремящаяся нивелировать давление империи.

Продолжая анализ ситуации постколониализма, австралийский ученый Билл Эшкрофт выявляет такую характеристику империи, как порождение избыточности: «Имперская власть расходует свое избыточное богатство посредством войны (т. е. военной силы, такой, как используется в колониальной экспансии) для создания большего богатства, которое затем рассеивается как роскошь, дальнейшая военная экспансия и так далее» [21, р. 37]. Современные варианты излишка и роскоши работают в пространстве языка, дискурсивны по своей природе и формируют экономику империализма как экономику дискурса. В рамках же постмодернизма наблюдаются злоупотребление и слом дискурсивных практик, что выражает стремление подорвать контроль, диктуемый империей, доминирующим центром.

Мы можем отметить, что представленные зарубежные исследования постколониализма утверждают появление нового империализма как характеристики современных попыток колонизации, например Ближнего Востока, а также современное существование империи в рамках дискурса глобализации, выраженной в виде консолидации власти метрополии и либерально-демократического государства, и выстраивают функциональные модели взаимодействия империи и колонии. В качестве одной из показательных характеристик империи признается ее избыточность.

Отдельно необходимо выделить исследования немецкого теоретика Герффрида Мюнклера, который предложил ряд характеристик, определяющих общие черты империй, актуальные и для постколониальной эпохи. Во-первых, это несовпадение имперских и государственных границ. Имперские границы формируют определенные ступени власти и влияния и не совпадают с государственными границами. Границы империи полупрозрачны для миграции, наделяя более высоким статусом представителей империи и более низким всех остальных, подчеркивая тот факт, что пограничные территории не являются империей. «Империя не имеет соседа, которого бы признала равным себе, а это значит – имеющим те же права...», – отмечает Г. Мюнклер [22]. Влияние империи угасает при приближении к периферии, что приводит к снижению правовых гарантий и интеграции. Сейчас имперские границы накладываются на государственные, но не сменяют их.

Во-вторых, нужно различать империю и гегемонию, где последняя представляет собой преобладание среди равнозначных политических акторов, а первая низводит всех остальных до подчиненного уровня, находящегося в зависимости от центра.

В-третьих, необходимость отграничения империи от империализма. В рамках теорий империализма империя предстает однонаправленным процессом развития от центра к периферии. Согласно Г. Мюнклеру, «империализм подразумевает существование некой воли к империи; неважно, возникает она из политических или экономических соображений, – она и является решающей, если не единственной причиной образования мировых империй» [23].

Фактически наличие воли и цели на практике почти не проявляет себя, империи складываются благодаря сочетанию факторов, или же «по рассеянности». Что касается направленности развития от центра к периферии, то здесь на практике обнаруживается и противоположное движение, когда периферия инициирует появление империи. Представленные разграничения указывают на то, что, как нам представляется, позволяет говорить о империи как сложной системе, не теряющей свою актуальность.

Итак, в современную эпоху постколониализма мы наблюдаем всплеск интереса к понятиям империи и империализма. Отечественная наука пока старается освободиться от марксистского понимания империализма как капитализма в рамках экономического подхода и обращается к прогрессистской теории, осмысляя империализм в историческом ключе как характеристику доминирующих государств, а также исследует империю в рамках политического подхода, определяя ее основные характеристики, такие как: обширность территории, этническая неоднородность, протяженность во времени, монолитность власти, неограниченная гегемония. Представленные подходы в большей степени ориентированы на осмысление империй и империализма как исторических феноменов, направленных на характеристику колониального прошлого.

Англоязычные исследователи в большей степени ориентированы рассматривать империю и империализм в рамках постколониального дискурса как характеристики глобализации, отмечая появление глобализированной империи, одной из черт которой является порождение избыточности и богатства как инструмента власти.

Особняком стоит характеристика империи, выдвинутая Г. Мюнклером, где он характеризует особенности имперской границы как маркера воздействия империи, разграничивает империю и гегемонию, где империя предстает как система подчиняющего и подчиненного, а также разделяет империю и империализм, показывая более широкое понимание империи как случайной и разнонаправленной системы.

Мы можем отметить, что если концепт империализма все же в большей степени остается привязанным к конкретной исторической ситуации периода существования колониальных империй, то концепт империи выступает как характеристика современного постколониального мира, предстает значимым понятием, позволяющим охарактеризовать ситуацию взаимозависимости центра и периферии, определить сферы влияния культуры и скрытых политических сил.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00273.
2. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015. 398 с.
3. Рогов И.И. Империя и империализм: история понятий и современный мир // Terra Economicus. 2010. Т. 8, № 3, ч. 2. С. 260–267.
4. Матвеев В.Е. Концепт «империя» в современной научной литературе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 27 с.
5. Там же. С. 19.

6. Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. 253 с.
7. Там же. С. 24–25.
8. Там же. С. 26.
9. Цит. по: Рогов И.И. Указ. соч. С. 264.
10. Там же.
11. Мюнклер Г. Указ. соч. С. 52.
12. Chilcote R.H. Globalization or Imperialism? // *Latin American Perspectives*. 2002. Vol. 29, no. 6. Globalization and Globalism in Latin America and Caribbean. P. 80–84. <https://doi.org/10.1177/0094582x0202900607>.
13. Фролов Э.Д. Античный империализм: понятие, этапы развития, идеологическое обрамление, значение в жизни античного общества // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2007. № 6. С. 15–22.
14. Климов О.Ю. Политическая система эллинистических государств: власть в условиях империализма // Там же. С. 77–88.
15. Шистеров М.В. Романизация, римскость и локальные идентичности: новый взгляд на феномен римского империализма? // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2016. Т. 2. С. 235–239.
16. Рогов И.И. Указ. соч. С. 265.
17. Biccum A.R. Theorising Continuities between Empire & Development: Toward a New Theory of History // *Empire, Development & Colonialism: The Past in the Present* / ed. by V. Hewitt, M. Duffield. Woodbridge, UK ; Rochester, NY, 2009. P. 146–160.
18. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 636 с.
19. Biccum A.R. Op. cit. P. 150.
20. Slemon S. The Scramble for Post-Colonialism // *De-Scribing Empire: Post-Colonialism and Textuality* / ed. by A. Lawson, C. Tiffin. London ; New York, 1994. P. 15–32.
21. Ashcroft B. Excess: Post-Colonialism and the Verandahs of Meaning // *Ibid.* P. 33–44.
22. Мюнклер Г. Указ. соч. С. 25.
23. Там же. С. 29.

References:

- Ashcroft, B 1994, 'Excess: Post-Colonialism and the Verandahs of Meaning', in A Lawson & C Tiffin (eds.), *De-Scribing Empire: Post-Colonialism and Textuality*, London, New York, pp. 33-44.
- Biccum, AR 2009, 'Theorising Continuities between Empire & Development: Toward a New Theory of History', in V Hewitt & M Duffield (eds.), *Empire, Development & Colonialism: The Past in the Present*, Woodbridge, UK, Rochester, NY, pp. 146-160.
- Chilcote, RH 2002, 'Globalization or Imperialism?', *Latin American Perspectives*, vol. 29, no. 6, *Globalization and Globalism in Latin America and Caribbean*, pp. 80-84. <https://doi.org/10.1177/0094582x0202900607>.
- Frolov, ED 2007, 'Antique Imperialism: Concept, Development Stages, Ideological Framing, Meaning in the Life of Ancient Society', *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, no. 6, pp. 15-22, (in Russian).
- Kaspe, SI 2001, *Empire and Modernization. General Model and Russian Specificity*, Moscow, pp. 24-26, (in Russian).
- Klimov, OYu 2007, 'The Political System of Hellenistic States: Power in the Context of Imperialism', *Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, no. 6, pp. 77-88, (in Russian).
- Matveev, VE 2008, *The Concept of Empire in the Modern Scientific Literature*, PhD thesis abstract, Tomsk, p. 19, (in Russian).
- Muenkler, H 2015, *Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*, Moscow, pp. 25, 29, (in Russian).
- Rogov, II 2010, 'Empire and Imperialism: a History of Concepts and the Modern World', *Terra Economicus*, vol. 8, no. 3, part 2, pp. 260-267, (in Russian).
- Said, EW 2006, *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*, St. Petersburg, 636 p., (in Russian).
- Shisterov, MV 2016, 'Romanization, Roman and Local Identities: a Fresh Look at the Phenomenon of Roman Imperialism?', *Vospitaniye i obucheniye istorii v shkole i vuze: istoricheskiy opyt, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya. Yezhegodnik. XX Vserossiyskiye istoriko-pedagogicheskiye chteniya*, Yekaterinburg, vol. 2, pp. 235-239, (in Russian).
- Slemon, S 1994, 'The Scramble for Post-Colonialism', in A Lawson & C Tiffin (eds.), *De-Scribing Empire: Post-Colonialism and Textuality*, London, New York, pp. 15-32.